

СЕКРЕТНАЯ
ПАПКА
Дело № ПРОКУРОРА

*Непридуманные
истории*

Александр
ЗВЯГИНЦЕВ

РЕЦИДИВИСТКА

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-45

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Звягинцев, Александр Григорьевич.
3-45 Рецидивистка / Александр Звягинцев. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 288 с. — (Секретная папка
прокурора. Непридуманнные истории).

ISBN 978-5-699-90243-9

Книга известного писателя Александра Звягинцева, много лет проработавшего в правоохранительных органах, составлена из рассказов, родившихся на основе уникальных записок матерого законника. Автор с присущим ему знанием дела перевел криминальные сюжеты с формального языка официальных протоколов на простой и понятный язык нашего времени. Тонкий юмор, салтыковская сатира, человеческие страсти и такие узнаваемые приметы времени — все это составляет неповторимый колорит книги. Ее герои, яркие, запоминающиеся, живут полной опасностей жизнью, проходят по ее запутанным лабиринтам, раскрывают непростые, а порой просто уникальные уголовные дела.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90243-9 © Звягинцев А. Г., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Дело №   Часть 1

ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ

ОБЫСК СО СМЕРТЕЛЬНЫМ ИСХОДОМ

Студеным январским утром начинающий работник городской прокуратуры Викентий Владиленович Багринцев ехал в составе следственной группы на первый в его жизни обыск. Возглавлял группу следователь по особо важным делам Герман Кириллович Коваль, по-спортивному поджарый мужчина с насмешливым и въедливым характером, о котором в прокуратуре ходили легенды. Говорили, что если он брался за дело, то доводил до суда любой ценой. Викентий, мечтавший стать таким же легендарным «важняком», давно хотел работать с Ковалем. И вот мечта осуществилась.

Уже в машине Викентий узнал, что группа — в нее входили еще два милицейских опера — едет на обыск в квартире директора мехового комбината Круглова, и сразу заволновался. Дело было в том, что в школе они учились вместе с дочерью Круглова. Он тут же

сказал об этом Ковалю. «Важняк» покосился на него и усмехнулся:

— Шашни небось с ней крутил, с этой самой дочкой?..

— Да не было никаких шашней! Я и не видел ее уже много лет! Она после школы в Москве в университете училась, да там и осталась... Отец ей там квартиру сделал... Замуж она вышла за дипломата... Круглов для нее ничего не жалел, потому что мать у нее умерла, когда она совсем маленькой была, — торопливо рассказывал Викентий.

— Понятно... — задумчиво протянул Коваль.

Всю оставшуюся дорогу Викентий вспоминал Зину Круглову — высокую красивую девушку, в которую он действительно был тайно влюблен. Но тогда, в школе, Викентий был слишком тихим и незаметным, чтобы сказать об этом неприступной Кругловой, которую провожали жадными глазами, кажется, все старшеклассники. Вот такой она в его памяти и осталась — гордой и недоступной.

— А ты, Багринцев, раньше на обыски выезжал? — покосился на него Коваль.

— Нет, — признался Викентий. — Но нас учили...

— Учили... — чуть усмехнулся Коваль. — Занятие это, Багринцев, специфическое. Так что ты там не суетись. Будешь вести протокол. Пока с тебя хватит. Впечатлений и так будет достаточно... Это я тебе обещаю.

Ехали долго — Круглов жил в собственном доме за городом. Викентий старательно вспоминал, что им говорили по поводу обысков во время учебы в институте. В голове вертелись какие-то обрывки. Обыск — это следственное действие, характерным элементом которого является принуждение по отношению к обыскиваемому... При обыске следователь должен не просто искать, а действовать, используя тактические и психологические приемы, постоянно оказывая влияние

и давление на обыскиваемое лицо... И тут же он вдруг опять почему-то вспоминал Зину, ее всегда гордо поднятую голову, улыбку, обращенную к каким-то своим, тайным мыслям...

Круглов, дородный, представительный мужик с помятым, сонным лицом, ознакомившись с постановлением на обыск, моментально сник, бессильно махнул рукой и уселся на диван. Он словно не услышал предложение Ковалья предъявить ценности и деньги, приобретенные незаконным путем.

Под большим портретом дочери Круглов сидел прямо и потерянно. Портрет этот буквально притягивал взгляд Викентия. Он узнавал и не узнавал свою школьную любовь. Потому что с полотна на него смотрела не юная девушка, которую он обычно видел в школьной форме, а молодая женщина в расцвете своей замечательной красоты. И было в ее глазах, вдруг показалось Викентию, нечто необычное, какое-то знание, с которым она ни с кем не может поделиться...

Но тут к нему подошел Коваль и еле слышно спросил:

— Она? Дочь?

Викентий кивнул — она, Зина...

Обыск шел успешно, опера просто не успевали складывать на огромном круглом столе под тяжелой люстрой золотые часы, браслеты, кольца, пачки денег, дорогие меха, которые были небрежно рассованы по всему дому, в каждой комнате. Викентий не успевал записывать. Круглов смотрел на происходящее безучастно. Когда все ценности в доме были обнаружены, Коваль сказал:

— Это все, гражданин Круглов?

— А вам мало? — вяло усмехнулся тот.

— Дело не в том — мало или много, — наставительно сказал Коваль. — Мы должны изъять все цен-

ности, которые вы похитили у государства и народа. Понимаете — все.

— Я не помню, — пожал плечами Круглов. — Может, все... Не помню.

— Так-так, — остановился прямо напротив него Коваль.

Подняв глаза на портрет, он стал смотреть на Зину, словно прикидывая про себя что-то. Круглов, проследив за его взглядом, сразу напрягся.

— Это, я так понимаю, ваша дочь, — задумчиво, даже участливо сказал Коваль.

— Да, а что?

— Красавица, училась в Московском университете, сейчас живет в столице нашей родины, которую вы нещадно обворовываете. Муж у нее, кажется, дипломат... Я не ошибаюсь?

Круглов откинулся на спинку дивана.

— Откуда вы все это знаете? При чем здесь Зина?

Викентий понимал, что Коваль сейчас будет без всякой жалости давить на Круглова. Давить на самое его больное место. А указал ему на него совершенно случайно он, Викентий...

— Как при чем ваша дочь? — вскинул брови Коваль. — По данным следствия, вы похитили гораздо больше, чем то, что мы сейчас нашли. Значит, часть ценностей вы где-то спрятали? Вопрос — где? Скорее всего, у дочери — вашей самой близкой родственницы и, так сказать, наследницы. Поэтому сразу после обыска у вас мы свяжемся с Москвой и сообщим, что ценности могут быть спрятаны у нее. И к ней придут с обыском.

— К Зине? С обыском? — Круглов смертельно побледнел. — Вы с ума сошли? У нее ничего нет! Она ничего не знает! Она... она... Она совсем другая... Она святая...

— Тогда укажите, где спрятаны оставшиеся ценности, — пожал плечами Коваль. — Ну, пожалейте дочь,

гражданин Круглов. Я же вижу, что вы ее любите. Что она для вас важнее всего на свете. Зачем же подвергать ее таким испытаниям? А если у нее что-то найдут, то могут и ее привлечь — за соучастие в хищении, хранение похищенного...

Круглов с ужасом смотрел на хладнокровного Ковалю и вдруг разрыдался. Смотреть, как плачет здоровенный, сильный мужик, было неприятно. Викентий опустил голову. Коваль же стоял там, где стоял, буквально в метре от Круглова, и спокойно смотрел на него. Лицо «важняка» было непроницаемо.

Через несколько минут Круглов признался, что, помимо изъятых ценностей, он закопал несколько сотен тысяч рублей в трехлитровых банках во дворе дома. Там же спрятал несколько сберегательных книжек на предъявителя. Суммы денег, которые на них лежали, звучали для Викентия просто фантастически. Но и это было не все. Часть ценностей Круглов, как оказалось, прятал у своей любовницы, адрес которой он тут же сообщил.

Когда обыск окончили и уходили из дома, Багринцев невольно глянул на портрет Зины. И лицо ее показалось Викентию еще более исполненным какой-то тайной печали, затуманено неким предчувствием...

Коваль, поймавший его взгляд, одобрительно сказал: — А ты, Багринцев, молодец. Ценную информацию о дочери сообщил. Во многом благодаря ей мы Круглова так быстро раскололи... Я бы, конечно, все равно его заставил признаться, никуда бы он не делся. Но с твоей помощью время сэкономили. Учти на будущее — чем больше знаешь о преступнике, тем легче с ним работать, потому как знаешь, куда бить...

Прошло какое-то время, и выяснилось, что арест Круглова был только одним из звеньев грандиозной операции по раскрытию целой сети устойчивых пре-

ступных групп, раскиданных по всей стране и действующих чуть ли не в пятидесяти городах Советского Союза. Ущерб, нанесенный ими государству, был просто гигантским. Все участники операции были представлены к наградам и поощрению. Благодаря Ковалю, отметившему перед начальством особое участие Багринцева, какое-то поощрение ждало и его...

Как-то уже к концу дня Викентий буквально налетел на Ковалья. Тот остановился, как-то задумчиво поглядел на него, без обычной насмешки сказал:

— Багринцев... Зайди-ка ко мне...

В кабинете Коваль неожиданно спросил:

— Ну, как поживаешь?

— Нормально, — замылся Викентий, — я как раз хотел спросить... Про Зину Круглову... Ее квартиру обыскивали, допрашивали?

Коваль пристально посмотрел на него. Но опять без насмешки, а как будто с пониманием.

— Так, вижу, что у тебя с ней все-таки были шуры-муры...

— Да нет, Герман Кириллович, ничего такого... Вздыхал только, глядя со стороны, — выдохнул Викентий. — Я же младше ее на год, а в школе это пропасть. Я только хотел спросить... Неужели она в этом деле замешана и ее тоже будут привлекать?

— Московские товарищи уже ее навестили, — устало сказал Коваль.

Викентий смотрел на него во все глаза.

— И что? Уверен, что Зина ничего не знала про отца, про его делишки... Она же в школе в комитете комсомола была...

— В комитете, говоришь... Это хорошо, что в комитете... Только вот в квартире гражданки Кругловой был обнаружен тайник с большими ценностями... Очень большими...

Викентий подавленно молчал.

— Правда, гражданка Круглова утверждала, что ни она, ни муж о тайнике ничего не знали... Вот такая история. Арестовывать их не стали до выяснения обстоятельств. Но вечером муж объявил ей, что подает на развод, так как она погубила его карьеру... И съехал с квартиры. А через несколько часов Зинаида выбросилась с балкона. Десятый этаж... Насмерть. Вот такой, Викентий Владиленович, сюжет...

Викентий вдруг увидел, как побелели костяшки его пальцев, изо всех сил сжатых в кулаки.

— Но и это еще не все. Я сегодня допрашивал Круглова. И он сказал, что дочь про тайник ничего не знала. Он сам его сделал, когда там жил, пока они были в отпуске.

Вдруг стало заметно, что выглядит Коваль страшно уставшим и даже расстроенным.

— Ты, Багринцев, это... Я вижу, ты парень совестливый и чувствительный, а такие люди во всем себя привыкли винить. Так вот, нашей с тобой вины тут нет. Мы свой долг выполняем. А этому Круглову надо было понимать, чем все его махинации могут закончиться... Иди, но душу себе не рви. Иначе тебе здесь не работать.

Но Викентий его не слышал. Перед глазами у него стоял портрет Зины, и теперь он понял, что во взгляде ее таилось скорбное предчувствие.

1974 г.

КОККЕЛЬ-МОККЕЛЬ

У женщины было неприятно красивое лицо — высокомерное и неумное. В прокуратуру она пришла в черном платье и черном платке, дабы подчеркнуть,

что она в трауре по погибшему мужу и потому требует к себе соответствующего отношения.

Но Викентий Владиленович Багринцев, хотя и работал следователем всего второй год, уже обрел, кроме некоторого опыта, еще и определенную толстокожесть, которая, как считал он, необходима для хладнокровного и рассудительного ведения дела.

А дело гражданина Альберта Леонидовича Сазановича, директора популярного в городе кафе «Орион», было вовсе не таким простым, каким казалось на первый взгляд. Несколько дней назад его машину нашли за городом, уткнувшейся в фонарный столб. К тому же она совершенно выгорела. Как выяснилось, огонь был таким сильным, потому что на заднем сиденье машины находилась канистра с бензином. И поэтому труп на переднем сиденье обгорел так, что от него мало что осталось.

Вдова Сазановича, а именно она сидела сейчас перед Викентием, объяснила, что муж, вероятно, решил прикупить бензина про запас, чтобы он на всякий случай хранился на даче. Туда он, судя по всему, и ехал поздно вечером. Еще она рассказала, что муж последнее время часто жаловался на сердце, так что за рулем у него вполне мог случиться сердечный приступ.

Викентий по привычке, которую ему намертво привил его наставник в следственном ремесле Герман Кириллович Коваль, получив дело, прежде всего собрал всю возможную информацию о Сазановиче. И быстро вышел на старшего инспектора ОБХСС Кировского РОВД капитана Лисицына, который уже довольно давно заинтересовался деятельностью директора «Ориона». Скрупулезный и въедливый капитан выявил в престижном кафе не просто мелкие обманы и обчеты, за которые виновные обычно отделывались штрафами да дисциплинарными взысканиями, он разглядел там систематический и организованный

характер преступных деяний, за что по закону полагался вполне приличный срок. И даже широкий круг знакомств Сазановича ему тут бы не помог. Лисицын провел огромную работу — тьма ревизий, десятки допрошенных свидетелей. И вот на тебе — Сазанович неожиданно погибает. «Слишком вовремя», — сразу подумал Викентий.

Поэтому, когда эксперты сообщили, что в сгоревшей машине обнаружено вовсе не тело Сазановича, он и не удивился. Теперь надо было искать то ли скрывшегося, то ли пропавшего директора «Ориона». А для этого следовало прежде всего выяснить, в курсе ли дела безутешная вдова или Сазанович, пытаясь обвести всех вокруг пальца, заранее подготовил ее к даче нужных показаний.

— Гражданка Сазанович, установлено, что тело, находящееся в сгоревшей машине, не принадлежит вашему мужу, — сообщил вдове Викентий, не сводя с нее внимательного взгляда. Было очень интересно узнать, как она на это отреагирует.

Женщина отреагировала подозрительно спокойно и быстро сказала:

— Значит, его кто-то убил, забрал машину, а тело спрятал. Закопал где-то... Надо срочно искать!

«Ишь как шпарит, прямо как на уроке», — подумал Викентий.

— Мы-то ищем. Только я хочу вас предупредить вот о чем. Если ваш муж жив и по каким-то причинам скрывается, но поддерживает с вами связь, то...

— Что — то? — огрызнулась «вдова», которая теперь вовсе не выглядела безутешной.

— То вы становитесь соучастницей. Со всеми вытекающими последствиями... То есть мы можем привлечь вас к уголовной ответственности.

— А я тут при чем? — сразу перепугалась «вдовушка».

— Подумайте, гражданка Сазанович. А если у вас есть возможность сообщить о нашем разговоре мужу, то скажите ему, что в его же интересах прийти ко мне и обо всем рассказать. Честно. Это и в ваших интересах.

«Вдова» — или как там ее теперь называть? — смотрела на Викентия со злобой, но в глазах ее уже плескался страх. Она была еще довольно молода и слишком избалована богатой жизнью, чтобы вести серьезную и долгую борьбу со следствием. Если Сазанович рассчитывал на нее, то это была его ошибка. Настоящего давления она не выдержит, подвел итог своим наблюдениям Викентий, потому как попросту неумна и в серьезных переделках не была. Видимо, пожилому Сазановичу нужна была такая вот красивая кукла для развлечений на старости лет. Так что в свои планы он ее втянул зря...

Когда женщина ушла, Викентий вдруг вспомнил, что хотел попросить экспертов еще об одном исследовании. Некоторое время назад, только готовясь вступить на стезю следственной работы, он запоем читал книги по истории криминалистики. И наткнулся там на так называемое дело Коккеля. Произошла эта история в довоенной Германии. Некий коммерсант въехал на своем «Опеле» в столб. Автомобиль загорелся, и тело водителя извлекли из него совершенно обгоревшим. У полиции было две версии: сердечный приступ и самоубийство. Но когда выяснилось, что коммерсант незадолго до этого застраховался на очень большую сумму, а сразу после его смерти жена предъявила претензии на страховые суммы, возникли подозрения, что тут имеет место какой-то обман.

Страховая компания обратилась к известному судебному медику Коккелю. Тот провел вскрытие и установил, что мельчайшие кровеносные сосуды в легких погибшего человека закупорены светлыми, как вода,

каплями. Это была так называемая жировая эмболия. А Коккель знал, что хирурги и патологоанатомы давно уже обратили внимание на то, что в результате ударов по телу, переломов костей, жестоких пыток наступает закупорка мелких сосудов легких частицами телесного жира, что ведет к прекращению кровообращения и смерти. Причем такая эмболия может развиться буквально в течение нескольких секунд. И в той или иной форме она всегда следствие внешнего насилия над жертвой.

Исходя из этого, Коккель пришел к выводу, что человек в автомобиле не умер от сердечного приступа и не покончил жизнь самоубийством, а был убит прежде, чем сгорел. И вероятнее всего, убит именно самим коммерсантом, который задумал страховое мошенничество. За женой подозреваемого сразу установили слежку. И она довольно скоро принесла положительные результаты — ее муж действительно был задержан. Сначала коммерсант утверждал, что действительно в его машине был другой человек, но он его не убивал. Просто его попутчик заснул, а когда они врезались в столб и машина загорелась, сам он выскочил и от страха убежал. Однако Коккель был уверен, что наличие эмболии опровергает его версию. Он убеждал полицию, что человек в автомобиле погиб до пожара и погиб в результате насилия. В конце концов истина была установлена. Припертый к стене коммерсант сознался, что действительно сначала оглушил, а потом задушил потерпевшего и только потом уже аккуратно въехал в столб и сам поджег машину.

Сазанович явился на следующий день. Это был жилистый, цыганистого вида пожилой мужчина с длинными сильными руками и неожиданно прозрачными серыми глазами, в которых не было ничего